

П. П. Пекарский (1828–1872)

⁴⁷² — Юрист по образованию, историк и библиограф по научным интересам, Пекарский не сразу вышел на свой настоящий путь, он умер в расцвете жизненных сил, и только 12 лет продолжалась его научная деятельность.

Пекарский Петр Петрович (1827–1872),⁽¹⁾ историк, археограф, литературовед. Год рождения Пекарского уточнен М. В. Машковой в книге «П. П. Пекарский» (М., 1957). Наиболее известные его труды «История Академии наук в Петербурге» (СПб., 1870–1873. Т. 1–2) и «Наука и литература в России при Петре Великом» (СПб., 1862. Т. 1–2).

⁴⁷³ — Писателем, оказавшим влияние на Пекарского, был Чернышевский <...> Именно под влиянием Чернышевского Пекарский в середине 50-х годов обратился к изучению русской истории, главным образом истории русского просвещения, и избежал тех мелочных и нередко уродливых увлечений молодежи 50-х годов, о которых мы говорили. Вместе с молодежью Пекарский увлекался тогда (и впоследствии) стариной, как равно библиографией старины, но это увлечение приняло у него здоровое направление.

Пекарский — типичный ученый академического склада, великолепный знаток русской старинной книжности, избравший для одного из своих трудов удобную библиографическую форму. Тот известный факт, что свою работу по изучению старой русской книги Пекарский начал по совету Н. Г. Чернышевского, являлся в глазах советских исследователей некой индульгенцией: и он сам, и его труд как бы изымаются из общего потока библиографии того времени: «Пекарский избежал тех мелочных и нередко уродливых увлечений молодежи 50-х годов» — утверждает Здобнов. Пытаясь во что бы то ни стало причислить Пекарского к передовому отряду деятелей шестидесятых годов, советские исследователи зачастую теряли чувство меры. Так, в книге М. А. Машковой «П. П. Пекарский» (М., 1957) ученый уже

безоговорочно причисляется к кругу Чернышевского. Это положение было опровергнуто в рецензии С. А. Рейсера,⁽²⁾ доказавшего, что от общедемократического подхода до революционной позиции — дистанция огромного размера. Чрезвычайно любопытно, что сами революционные демократы отнеслись к труду Пекарского «Наука и литература в России при Петре Великом» не просто отрицательно, а, можно сказать, враждебно. Д. И. Писарев в издательской рецензии «Бедная русская мысль» отнес Пекарского к «породе ученых перебивателей из пустого в порожнее»,⁽³⁾ даже не дав себе труда разобраться в том, что перед ним библиографический репертуар, а не исследование, для которого обязательны теоретические выводы. По мнению Писарева, подобные (библиографические) работы не могут претендовать на научность, ибо содержат «обилие фактов, нужных или ненужных, годных или негодных». Это — подсобный материал, не достойный печати, ибо «дает очень много фактов и очень мало выводов».⁽⁴⁾ Иными словами, критик отказывал в праве на существование самому жанру библиографического репертуара. «Если вы трудолюбивый исследователь, — поучает он автора, — и не признаете за собой способности созидать здание, т. е. ярко изображать или стройно группировать и обобщать факты, то собирайте их с толком, умеете различать, что камень, что дерево, а что просто навоз».⁽⁵⁾ Само содержание подобных упреков еще раз свидетельствует о полном непонимании сущности библиографии, ее возможностей и общественных функций со стороны революционных демократов. Требования отбора по качеству, которые выдвигает Писарев, и его презрительное отношение к «ненужным фактам» могли быть отнесены разве что к рекомендательной библиографии (которой в ту пору еще и не было), но никак не к библиографическому репертуару, ценность которого как раз и заключается в полноте сведений. Заметим, к слову, что эта губительная тенденция была затем подхвачена советской библиографией и на многие десятилетия отодвинула создание репертуара русской книги.

⁴⁷⁴ — *Задуманная в этом плане работа Пекарского не имела ничего общего с теми библиографическими диковинками, которыми так восторгалась тогда некоторая часть молодежи и библиографией которых занималась Публичная библиотека. Это был замысел капитального труда, академического по форме, но звучавшего злободневно, как вызов славянофилам. В результате, через 7 лет вышел из печати классический труд Пекарского «Наука и литература при Петре Великом» (т. I–II, Спб. 1862)...*

Квалифицируя указатель «Наука и литература в России при Петре Великом» как «вызов славянофилам», Здобнов ничем это не мотивирует, и очевидно, что значение труда Пекарского к «вызову славянофилам» не сводится. Пекарский как ученый — типичный эмпирик, образованный, добросовестный и с сильным налетом педантизма. Это относится и к его библиографическому труду, который именно благодаря этим свойствам смог пережить свое время. Как справочник, он и теперь не потерял своего значения. Основное, на что следовало бы обратить внимание, — это то, что работа Пекарского выполнена не библиографом-профессионалом, а ученым, знатоком литературы вопроса, что, как правило, гарантирует ее высокое качество. «Наука и литература в России при Петре Великом» — это труд, в равной степени принадлежащий и библиографии, и истории литературы, и истории науки. В русской науке второй половины XIX в. это не единичный пример, поскольку многие сочинения А. Н. Пыпина носят подобный характер — например, высокоинформативный «Очерк старинных повестей и сказок русских» (1858), являющийся по сути реферативной библиографией.

⁴⁷⁵ — *В этом труде Пекарского, как и во всех его трудах, есть один существенный недостаток, отмеченный в свое время его друзьями и почитателями, осознанный и самим Пекарским: скованность мысли и отсутствие выводов.*

Пекарский был в те годы одним из немногих исследователей, которые понимали разницу между чистой библиографией и обслуживаемой ею историей литературы. «Чтобы быть полезным науке, — писал он, — библиограф должен стараться о возможной полноте своего труда, избегая изрекать приговор».⁽⁶⁾ Поэтому упреки Здобнова в отсутствии выводов в трудах Пе-

карского или попытки позднейших исследователей объяснить отсутствие выводов («приговоров») в работе Пекарского вмешательством цензуры, — несостоятельны. Перед нами — сознательное самоограничение историка литературы, взявшегося за библиографический труд и выполнившего его в высшей степени добросовестно и квалифицированно.

ПРИМЕЧАНИЯ

⁽¹⁾ О нем см.: *Куник А. А.* Петр Петрович Пекарский, академик, доктор русской истории... СПб., 1872. 10 с. (Отт. из: Рус. старина. 1872. Т. 6); *Грот Я. К.* Воспоминания о В. И. Дале и П. П. Пекарском. СПб.: Тип. Акад. наук, 1873. [2], С. 37–59. (Отт. из: Сб. Отд-ния рус. яз. и словесности Акад. наук. 1873. Т. 10); *Машкова М. В.* П. П. Пекарский (1827–1872): краткий очерк жизни и деятельности / Всесоюз. кн. палата, Гос. публ. б-ка; под ред. проф. П. Н. Беркова. М.: Изд-во Всесоюз. кн. палаты, 1957. 80 с., 1 л. портр.

⁽²⁾ *Рейсер С. А.* Новая книга о П. П. Пекарском: [рец. на кн.: Машкова М. В. П. П. Пекарский (1827–1872). М., 1957] // Труды / Ленингр. гос. библ. ин-т. Л., 1958. Т. 4. С. 331–335.

⁽³⁾ *Писарев Д. И.* Сочинения Д. И. Писарева. Полное собрание в шести томах. 2-е доп. изд. Ф. Павленкова. СПб., 1913. Доп. вып. Стб. 123.

⁽⁴⁾ Там же. Стб. 119.

⁽⁵⁾ Там же. Стб. 122.

⁽⁶⁾ Цит. по: *Машкова М. В.* П. П. Пекарский... С. 35–36.

Л. М. Равич